

А. В. Панюков

**ВОМИДЗ 'СГЛАЗ' КАК ФЕНОМЕН
ВЕРБАЛЬНОЙ МАГИИ КОМИ-ЗЫРЯН**

Вера в сглаз относится к числу редких универсалий человеческой культуры, до сих пор не имеющей удовлетворительного объяснения. Автор предлагает сконцентрировать внимание на традиционных представлениях коми-зырян о сглазе *вомидз*, позволяющих утверждать их исходный вербально-магический характер. В основе выдвигаемой автором концепции следующее определение: «*Вомидз* – это непреднамеренное, спонтанно индуцируемое вербально-магическое воздействие с негативным результатом, обусловленным языковой семантикой слова – *вомидз*. Вербальный компонент, лежащий в основе магического акта, может быть выражен прямой речью или связан с вербализацией адресатом невысказанных мыслей и намерений адресанта». Это положение доказывается предпринятым анализом народной терминологии и широкого спектра характерных для представлений о порче-*вомидз* явлений. Согласно авторской позиции, вербально-магический акт *вомидз* может быть представлен в виде коммуникативной модели: адресант (отправитель слова *вомидз*) – вербальное сообщение (слово *вомидз*) – адресат (получатель сообщения) и объект порчи-*вомидз*; этим объектом может быть как сам адресат, так и любой жизненно значимый для него объект, находящийся в поле зрения.

Ключевые слова: фольклор, народная терминология, этимология, вербально-магический акт, коммуникативная ситуация.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-433-445

Вера в сглаз, объединяющая в себе широкий спектр несовместимых представлений и явлений, несомненно, может быть названа одной из парадоксальных универсалий человеческой культуры. Ей присуща удивительная живучесть, говорящая об устойчивости архаических представлений, и не менее парадоксальное соответствие современной культуре. Сам термин «сглаз», подхваченный и отечественными исследователями, замещает собой целый спектр несовместимых понятий и явлений: порчу посредством колдовского взгляда, посредством колдовского слова, колдовских мыслей, различных колдовских объектов, которым приписывается свойство сглаза. Несмотря на то, что феномену сглаза посвящено достаточно большое количество научных работ (обзор основных концепций проведен Н. В. Петровым в специальной работе: [Петров 2014]), сами механизмы этой порчи представляются в виде некоего «черного ящика» (чаще всего населяемого различными демонами: демонами взгляда, демонами слова, демонами мысли и т.п.). Мы знаем конечный результат, знаем исходную ситуацию, но не понимаем, как это происходит. Между тем, общие представления о магии сглаза вполне конкретны и понятны: явление это совершенно обыденное, сглазить может практически любой человек; сглазить можно совершенно случайно и непреднамеренно; сглазить можно кого угодно и что угодно

но; сглазить можно самого себя; в традиционных культурах исцелить от сглаза (во всяком случае на начальной стадии порчи) может почти каждый с помощью несложных магически трактуемых действий. Все это позволяет уверенно говорить о том, что сглаз не имеет никакого отношения к колдовским, эзотерическим знаниям, и, по крайней мере, не должен рассматриваться в контексте колдовской, вредоносной магии. Этот тезис, по нашему убеждению, должен быть исходным для любых попыток понять сущность механизмов порчи-сглаза.

Наше обращение к локальной традиции коми-зырян может быть рассмотрено как еще один тактический шаг, принципиально сокращающий спектр насущных проблем. Основной (общекомми) термин *вомидз* (< *вом* 'рот'; соответственно *вомидз* – это порча, связанная с речью), позволяет актуализировать именно вербальный характер порчи-сглаза. Это дает определенные возможности выдвинуть на первый план именно филологический аспект исследования, роль языка в структуре представлений о порче-*вомидз*. Помимо ряда предшествующих научных исследований по теме, и, прежде всего, специальной работы А. С. Сидорова [Сидоров 1997], в нашем распоряжении имеется достаточно объемный нарративный материал, в совокупности транслирующий не только мифологию, но и психосоматику традиционных представлений о порче-*вомидз*, а в отдельности представляющий собой «личностные истории» о порче-*вомидз*. Именно они станут основным аналитическим материалом для ответа на вопрос, как устроены эти нарративы.

Собственно первый тезис выдвигаемой нами концепции «порча-*вомидз* – это вербально-магический акт» так или иначе уже высказывался исследователями. Именно как важную составляющую вербально-магических представлений коми рассматривает *вомидз* А. С. Сидоров в своей монографии, посвященной психологии колдовства [Сидоров 1997]. Связывая магию с механизмами внушения / самовнушения, основанными на суевериях, автор не отделяет порчу-*вомидз* от других видов магической порчи. Соответственно, связывая *вомидз* с речью, он не проводит границы между *вомидз* и колдовским, заговорным словом, которое «пуще стрела»: «Сила слова объективировалась со стрелой. Это было отнюдь не уподобление, а реальное восприятие. «Слово, что стрела» – понималось буквально. *Вомидз* в результате недоброжелательного слова, как своеобразный результат внушения, понимается именно как заболевание сначала местное, которое постепенно захватывает в дальнейшем весь организм... Момент заболевания наступает внезапно. Обычно это воспринимается, как поражение стрелой, ощущается боль, получающаяся, когда какой-либо острый предмет вонзается в тело (*тиукас*)... Обыкновенно, острая боль при *вомидз* локализуется в каком-либо определенном месте, в каком-либо органе, на который был направлен возглас. В дальнейшем, подобно воспалению и чаще всего в форме воспаления, болезнь начинает распространяться вширь и вглубь и может дойти до внутренних, до «сердца», иногда же она ограничивается пределами одного органа. Когда болезнь доходит до «сердца», наступает смерть» [Сидоров 1997, 143]. По психологической концепции А. С. Сидорова, любая эмоциональная несдержанность по отношению к другому человеку уже враждебна. «Достаточно выразить удивление, восторг, зависть и т.п. по поводу, например, красоты того или другого лица, чтобы это лицо, о качествах которого идет речь, серьезно заболело <...>. Во всех случаях мы, по-видимому, имеем дело с проявлением недоброжелательного чувства или настроения, вообще с враждебным моментом для данного лица. <...> Указанное условие является непрямым, но, нужно сказать, не всегда достаточным. Другим очень важным условием нужно считать фиксацию своего внимания на факте выражения кем-либо такого неуравновешенного чувства. [Там же, 140–141]. Выдвинув на первый план субъективный фактор, т.е. саму веру в возможную порчу, А. С. Сидоров попытался представить и соответствующую коммуникативную модель, на которой основывается магическое действие. В этой модели адресант речевого сообщения играет активную роль, а адресат – пассивную, но именно его мысли о возможной порче и приводят в действие психологический механизм внушения: «Порча наступает в результате сказанного слова, – с одной стороны, и мысли о возможности порчи – с другой стороны. Таким образом, теоретически одна сторона в наступлении порчи играет активную роль, а другая – пассивную» [Там же, 144].

Несмотря на то, что, в соответствии с поставленными целями, А. С. Сидоров конструирует некую общую модель вербальной магии, сам принцип диалогичности чрезвычайно важен для наших дальнейших размышлений. Поэтому, прежде всего, попытаемся выявить наиболее яркие отличия порчи-вомидз от других видов вербальной магии; обратимся к языку и более внимательно рассмотрим сам термин *вомидз*.

Слово *вом* 'рот' весьма широко представлено в метаязыковой фразеологии, где можно обнаружить широкий спектр значений. Но для понимания исходной семантики термина *вомидз* важнее то, что в коми-зырянском с *вом* 'рот' связано два глагола¹ – *вомавыны* и *вомдзавны*. Глагол *вомавыны* 'оборвать, заставить кого-либо замолчать; сделать замечание, выговор' (вариант *вомавьныны* 'обрывать, заставляя кого-л. замолчать'); в прагматической интерпретации – 'оборвать, пресечь сказанными словами речь (неприятную или нежелательную) кого-либо'. В контексте наших размышлений значимо, что именно этот глагол и передает магическую (и коммуникативную) суть защитных формул, предотвращающих возникновение порчи-вомидз: *Вомдзавныд люббй вермас, мыйкӧ шувас тэ йлысь, а тэ он куж вомавыны. А колӧ вомавыны: «Кос ув!»*. И *нинэм тэждӧ оз ло* [ФФ ИЯЛИ РФ11 Т.5]. 'Сглазить может любой, что-нибудь скажет про тебя, а ты не сумеешь пресечь. А надо пресечь – заткнуть его: «Сухую ветку (тебе в глотку)!» И ничего с тобой не случится'. (Здесь и далее – переводы автора).

Другой глагол, образованный от этой основы – *вомдзавны* 'изурочить, сглазить' уже в силу парности обладает противоположным значением инициации речевого действия². Об этом же свидетельствует и морфологическая форма слова – если исходить из того, что суффикс *-дз* здесь маркирует глагол т.н. начального вида. Учитывая устойчивую связь *вомидз* с неожиданным и часто эмоционально сильным речевым актом, метаязыковую роль глагола *вомдзавны* можно обозначить как «инициацию неожиданного, резкого, взрывоподобного речевого действия». В нарративах о *вомидз* это действие часто характеризуется как *горӧдны* 'крикнуть, вскрикнуть', *друг горӧдны* 'неожиданно крикнуть', акцентируется внимание именно на неожиданности речевого действия. Это действие, вероятно, можно сравнить с диал. *зӧркнитны* 'сказать вдруг, резко' [Сорвачева 1878, 98] при общем 'тряхнуть, встряхнуть (на ухабе)'. Типологически такая «взрывоподобность» заложена в русском слове *восторг* (< ст.-сл. яз. *въстѣргати* 'взрывать; срывать' < *тѣргати* 'рвать'; значение «подъем радостных чувств» < «взрыв» (вверх) [Шанский]. Вероятно, эта же «взрывоподобность» отражена и в древнепермском *вомыдзасьны* 'удивляться': «По народному поверью, сглаз происходит от взгляда с выражением удивления, от похвалы и т.д.» [Лыткин 1999, 62].

Таким образом, исходное метаязыковое значение глагола *вомдзавны* связано с инициацией резкого, взрывоподобного, неожиданного для адресата речевого действия. Эта неожиданность может ассоциироваться с внезапным криком, с чувством удивления. Вероятно, эта неожиданность и определяет психоэмоциональное состояние человека, вовлеченного в коммуникативный процесс. В психосоматических представлениях коми-зырян о *вомидз* рассматриваемая «взрывоподобность» может связываться с «порчей крови»: *горӧдӧмсьыс вирыс кыдзке вот портитче* 'от крика как-то портится кровь'. Такое же негативное восприятие крика отражено в поговорке *горӧдӧмсьыс и пу косьмӧ* 'от крика и дерево может засохнуть'.

¹ В печорском диалекте зафиксирован еще один окказиональный глагол – *вомаритны* 'болтать, говорить ненужное, лишнее', который представляет собой явный неологизм (вероятно, от *вома* 'болтливый, речистый') с пейоративным оттенком 'пустословить' по аналогии с многочисленными глаголами, в том числе и заимствованными из русского. Например, *говчитны*, *голчитны* 'болтать, пустословить' (< рус. *говчить*, *голчить*), *гӧлдитны* 'повторять одно и то же' [Сахарова 1976, 61], *гӧлӧзубитны* 'зубоскалить', *вритны*, *бритны* 'врать' [Сорвачева 1878, 76] и др.

² Отметим, что в коми-пермяцком языке произошло разделение *вом-* (*вомидз* к-п. 'сглаз, порча'; *вомдзавны* 'сглазить, напустить порчу', *вомидза син* 'недобрый, дурной глаз', *вомидзӧсь морт* 'человек, способный сглазить, человек с дурным глазом') и *ӧм-*: *ӧм* 'рот; пасть, зев (животного)', *ӧма* 'пререкающийся, препирающийся; зубастый' и т.п. Соответственно глагол *ӧмавыны* 'оборвать, обрывать, заставить замолчать кого-л., потеряв отмеченную выше полярность с *вомдзавны*, приобрел спектр других метаязыковых значений: 'упрекать, обвинять; порицать кого-л. за что-л.; оговаривать, оговорить' [Баталова 1985, 305]. С другой стороны, слово *вомидз*, удаленное из метаязыкового контекста, сблизилось с *синмалӧм* 'сглаз'; во всяком случае, сочетание *вомидза син* букв. 'глаза с *вомидз*' не характерно для коми-зырян.

Определенную связь с неожиданным речевым действием, подобным удару, отражает еще один метаязыковой термин *кыв уськӧдны* букв. 'обронить, бросить слово' в значении 'изурочить, сглазить', возводимый к общепермской лексике. В коми языках он специализирован: *веж кыв уси* букв. 'слово зависти упало', *веж кыв усьны* букв. 'упасть слову зависти' – 'заболеть от сглаза, от порчи' [Безносилова 2012, 167]; *веж кыв уськӧдом* к-п. (букв. 'слова зависти обронение'); здесь же – *ёркыв уси* 'проклятие сбылось' букв. 'слово проклятия упало' нв. [Сорвачева 1878, 103]. В удмуртской традиции магический контекст, видимо, утрачен. В современном удмуртском языке *кыл уськытыны* имеет значения 'начать разговор' и перен. 'ославить, оклеветать'. Т. Г. Владыкина приводит третье, самое важное, по ее мнению, значение 'наслать порчу словом, изурочить' (букв. 'кинуть, бросить слово, чтобы ушибить'): «Это выражение содержится в источниках конца XIX в., восполняя формулы недостающего звена триады архаической ментальности дело=слово=мысль и обозначая равенство выражений *лэсьтыны / тупатыны* 'сделать / направить', *кыл уськытыны* 'урочить', *син уськытыны* 'сглазить' в значениях 'наслать порчу действием', 'наслать порчу словом', 'наслать порчу взглядом'. Такая логическая цепочка очень явственно обнаруживает эволюции ментальности и языка от конкретики к абстракции» [Владыкина 2008, 85–86]. Отметим, что это единство отражено и в апотропейной традиции: формулы-обереги *син / синмыз медаз усьы* 'чтобы глаз (чей-то / его) не упал' и *пельыз медаз кыл* букв. 'чтобы ухо (чьего-то, его) не услышало' имеют одно и то же значение «чтобы не сглазить» [Владыкина 2018, 239]. Как предел десакрализации метаязыкового «бросить слово» можно представить коми пейоративы *койны* 'болтать, пустословить' букв. 'выплескивать, разбрасывать' нв. [Сорвачева 1878, 110], *коявлыны* 'громко накричать, наорать на кого-л.' букв. 'выплескивать; кидаться, бросаться'; [Сорвачева 1978, 113]. Акционально близким аналогом формулы *кыв уси* 'слово упало' можно назвать выражение *кыв тишукис* 'слово сбылось' букв. 'слово воткнулось, проникло': *кылыд тишукласе* 'слова (предсказания) сбываются' [Сорвачева 1878, 180] при *тишукнитны* 'ткнуть, проткнуть, пронзить и т.п.', *тишукны* 'воткнуть; прикоснуться; сбываться, исполниться'. С другой стороны, и сама лексема *вомидз* допускает определенные ассоциации слова-порчи с материальным объектом, который можно «бросить, обронить». Так, в верхневычегодской традиции *вомидз* как обозначение материализованного вредоносного слова соотносится с морфологически и семантически близким *дзиридз* 'мелкая дресва, смешанная с пеплом', вв. 'косточка (ягоды черемухи)', уд. 'избоина конопляная, остатки семян после выжимки' [Жилина, Сахарова 1961, 104]. Об этом говорит и появление в заговорных текстах формулы: *Дзиридз-вомидз-урӧс, мун кытысь локтын 'Дзиридз-вомидз'* – порча, иди туда, откуда пришла [ФФ ИЯЛИ АФ1117-12]. В этом же контексте материализовавшееся слово-*вомидз* может сравниваться с брошенным в глаза человека песком (см. пример ниже). Здесь же допустимо и *вомидз / пыридз* общ. 'пешня' (колющий инструмент).

Вторым по распространенности в локальных традициях коми-зырян после *вомдзавны* можно отметить термин *уркнитны* 'сглазить' (*уркнитчины* 'изурочиться, сглазиться', *уркнитчӧм* 'урок, сглаз'). Этот глагол связан с рус. *урок*; возможно, с вариантом типа *урекнуть*, или возникшим по аналогии с другими заимствованиями (*уркӧвӧй, уркӧм* 'урок, урочная работа'). Однако в самой форме слова *уркнитны* нельзя исключать и звуко-смысловые ассоциации с мотивом мгновенного удара: уд. *урк* 'быстро, одним броском, рывком (встать, прыгнуть)', *уркайтны, уркӧдны*, вим. *урвайтны* 'сильно бить, ударять, колотить (напр., палкой)' [Жилина, Сахарова 1961, 400], вс. *уркнитны* 'пронестись, пролететь (мимо)' [Безносилова 2014, 664]. Вероятно, именно урок (< изурочить < речь в вариантах *уреки, урӧк, урӧки*) воспринимался как ближайший смысловой аналог коми *вомидз*; во всяком случае, в заговорных текстах коми-зырян наиболее часто встречается именно этот дублет *урӧк-вомидз* или *урӧки-вомидз*: «Когда считают, что ребенка сглазили, то топят баню и моют, приговаривая: *Кури уроки вомидз проч тӧдтӧг воин, тӧдтӧг мун, да мун улӧ, миян кага вылӧ кай* 'Кури уроки-вомидз прочь неожиданно пришло, неожиданно уходи, уходи вниз, а наш ребенок вверх поднимайся-расти'» [ФНМРК КП-12483, л. 214]. Заимствованное *уркнитны* в диалектах довольно тесно сблизилось с коми

урсасьны печ., урöситчины иж. 'заболеть от сглаза', урсавны печ., урсалны лет., к.п. урсавны, уроситны 'сглазить'; кинкö кагасö уроситис – пондiс шогаvны 'кто-то сглазил ребёнка – он заболел' [Баталова, 1985, 514], при общем урсасьны 'испортиться'. Наиболее близко эти два термина сходятся в лл. урöсьлив, урöсьливой, урочлив < рус. урочливый 'способный навести сглаз' лл. [Безносилова 2014, 666].

К метаязыковым обозначениям, связанным со словом, речью, можно отнести еще ряд узколокальных терминов:

– горъявны 'сглазить' (Вымь): «Вомдзасемыс» комияс вöлöм шуöни «горъялэма» пö 'Вомидз коми люди называли «горъялэма»' [ФФ ИЯЛИВ0630-2]. Вероятно, термин связан с коми гор 'звук, голос' или горавны диал. 'кричать, орать' > горъявны 'окричать';

– озёvитчины 'сглазиться', озёv лл. [Жилина, Сахарова 1961, 257], к.п. 'сглаз' (< рус. озеv 'сглаз, порча', озеvать 'сглазить'), но в вымском диалекте зевайтны 'клеветать, наклеветать на кого-л., оклеветать кого-л.; наговаривать, наговорить на кого-л.', менö зевайтö 'на меня наговаривает' букв. 'меня зевает' [Жилина 1998, 241] зеваччины 'кляузничать, сплетничать';

– зевкйысьны, зевтьтысьны лет. 'накликать порчу, сглазить' [Жилина 1985, 156] при сс. зевкйысьны 'кляузничать, сплетничать' [Колегова 1980, 108].

Чтобы передать общую терминологическую картину, отметим еще ряд диалектных обозначений симптоматического характера связанный, прежде всего, с детским сглазом: дзугыльтчины 'заболеть, испортиться от сглаза' при общераспространенном 'стать печальным, невеселым, опечалиться'; дзугыль 'сглаз': Кодкö тöдтöм морткö волас, кагаыс дзугыльтчас. Öдзöс вуг мыськаласны, кагасö мыськасны да петасны кильче вылас да кимлескивыв васö койышитöны. Дзугыль шусьö сiя [ФФ ИЯЛИ В1110-56] 'Если кто-то посторонний в доме побывает, ребенок сглазится. Обмоют ручку двери, ребенка умоют, выйдут на крыльцо и наотмашь воду выплеснут. Это называется «дзугыль», чурнитчины 'испортиться от сглаза' [Сорвачева, Безносилова, 1980, 268]: вероятно, от чуравны 'обмереть, захлебнувшись плачем (о ребенке)' [Жилина, Сахарова 1961, 421]; чурмунны, чурöбмунны 'вздрогнуть', чурмунни 'обмереть, лишиться чувств (напр. от злости, от сильного волнения)' вв. [Сорвачева 1966, 209].

– парзовтчины 'испортиться, худеть, похудеть (напр. от сглаза); обижаться, сердиться'; парзовтчас тятейыд, вомдзасяс 'испортится ребенок, сглазится' [Сорвачева, Безносилова, 1980, 220];

– чушкыльтны, чушны 'заболеть от сглаза, от порчи'; чушкыль 'сглаз': чушкыль понысь кулны 'умереть от сглаза, от порчи' вс. [Жилина 1975, 246]. Эти термины также связаны с представлениями о «пронзающем, жалящем слове»: чушкалны вс., чушкыны 'жалить, ужалить (об осе)' (Общеп. *č'us' - 'колючий'), но чушны вс. лл. скр. сс., чушнi вв., чушкыны, чушвартны нв. 'задеть, уязвить, уколоть кого-л. (сказанным словом)' [Жилина, Сахарова 1961, 423];

– йöзасьöм лл. 'сглаз'; йöзасны лл. 'заболеть от сглаза', общ. 'быть обнаруженным, застигнутым (при совершении предосудительного, интимного или преступного характера), огласиться, разгласиться' букв. 'обнародоваться' [Безносилова 2012, I, 609] с семантикой «отчуждения, попадания под воздействие чужого» (макроуровень), а также «получения огласки, нарушения тайности» (значения, присущие слову йöзасны) [Уляшев 1999, 361];

– ереситны 'сглазить, навести порчу' лл. [Жилина 1985, 161] при ересво, ерество 'колдовство, порча, волшебство';

Связь вомидз со зрением. Несомненно, представления о колдовском взгляде характерны для традиционной культуры коми-зырян, и они так или иначе проникли в представления о вомидз. Так, по концепции А. С. Сидорова, глаза наиболее ясно выражают внутреннее состояние человека, соответственно «враждебные чувства могут быть выражены во взгляде, и поэтому можно испортить не только словом, но и взглядом» [Сидоров 1997, 149]. Другими словами, выраженные во взгляде враждебные чувства «считываются» сознанием адресата, что равнозначно внушению словом. Тем не менее на уровне терминологии к собственно «сглазу», т.е. порче через зрение, относится только лл. (южное коми-русское пограничье) синмалны, синмаvны

‘сглазить, повредить кому-н., испортить кого-что-н. дурным взглядом’ (*син* ‘глаз, глаза’) [Жилина 1985, 224] при омонимичных *синмавны* лл. ‘наполнить до краев, выше краев’, нв. ‘осмотреться, посмотреть вокруг себя’; *синмалны* сс. ‘цвести’ [Безносикова 2014, 374]. Отметим, что применительно к общему лексическому фонду глагол *синмавны* ‘сглазить’ весьма сложно «вписать» в полисемантическое словообразовательное гнездо соматизма *син* ‘глаза’, в котором из 14-ти визуальных значений только три связаны со зрением [Чуяшкова 2008].

Далее можно отметить, что связь порчи-*воמידз* со зрением опосредована офтальмологическими особенностями людей, способных навести порчу: «Способностями к порче, по мнению коми-зырян, обладает большинство людей, которые характеризуются тёмным цветом волос и глаз, *чорыд съёлма* ‘с твёрдым, чёрствым сердцем’, *сувтса синма* ‘со стоячими глазами’, *виж бугыль* ‘с жёлтыми буркалами’... Сглазить могут и больные, страдающие глазными болезнями: косоглазые, бельмастые, с катарактой, а также со зрением, ослабленным вследствие других болезней: желтоглазием (как следствием болезней печени), белоглазием и светобоязнью (как у альбиносов), бегающими или подверженными тикку глазами и т.д.» [Уляшев 1999, 361–363]. С другой стороны, традиционно наиболее подверженными *воמידз* считаются блондины со светлыми (голубыми, серыми и т.д.) глазами.

Однако ключевым фактором для сближения представлений о магии взгляда и магии слова является их коммуникативное единство: порча-*воמידз* возникает только при непосредственном визуальном контакте адресанта с объектом порчи. Именно с регламентацией визуального контакта с объектами, представляющими особую витальную ценность, связано множество превентивных мер, используемых в традиции: до определенного возраста не показывать посторонним младенцев, детенышей домашних животных, огородные посадки и т.п. Это отражено и в языке: *син тас пуктині* ‘уберечь от сглазу’ вв. [Сорвачева 1966, 193] букв. ‘поставить глазную перегородку’, при общеп. *син тасён видзны* ‘следить, наблюдать’ букв. ‘глазной перегородкой охранять’, *син потшесэн потшині* вв. ‘следить, наблюдать, охранять’ [Жилина, Сахарова 1961, 336] букв. ‘огораживать глазной изгородью’, *син потшысэн синйині* ‘тж’ букв. ‘наблюдать глазной изгородью’, *синйыны* ‘следить, наблюдать; приглядывать’ [Жилина, Сахарова 1961, 337]. Вероятно, здесь сказывается и неосознаваемое доминирование визуального кода: 80 % информации о внешнем мире мы получаем через зрение. В самой традиции визуальный контакт адресанта и объекта порчи-*воמידз* достаточно часто выдвигается на первый план, что сказалось в возникновении ряда характерных мифологем «дурного взгляда». Например, мифологема неуправляемого, «самопортящего» взгляда, с которой связан устойчивый сюжет о засыхания дерева от взгляда: *Чорыд съёлма ли мыйли, Опонь, татысь жё. Ачыс пö шуö. Мый вылö пö видзöдла, сия и косьмö. Некутиём быдмög вылö видзöдлыны ог лысьт. Пу вылö кö видзöдла – мöd во и косьмас. Челядь вылö ли, порсь пиян вылö* [ФФ ИЯЛИ Х141-8] ‘С твердым сердцем или еще почему, Афанасий, тоже здешний. Сам же и говорил: «На что ни взгляну, то и засыхает. Ни на какое растение не смею взглянуть. Если на дерево посмотрю – на следующий год и засохнет. То же самое и с детьми, или там с поросятами’. В данном сюжете вербальный компонент слово-*воמידз* «запрятано» на ментальном уровне (посмотреть на что-то = подумать об объекте, попавшем в поле зрения) и легко реконструируется. Соответственно, «исправленный» вариант может выглядеть так: *Чорыд съёлма морт. Волас пö пу дорад да шувас ке: «Тая пö мича же пуйс!» Ся мöдысь пö мунас да косьмöма пö. Сэтишем пö кос съёлмыс. Сэтишем чорыд! Морттэ дерт косьтас сия сэтишемис* [ФФ ИЯЛИ Х31-10] ‘Человек с жестким сердцем. Вот подойдет он к дереву и скажет: «Какое же красивое дерево!» В другой раз пойдет туда, а дерево высохло уже. Вот такое у него черствое сердце. Такое жесткое! Конечно, такой и человека иссушит’. Отметим, что в таком виде на первый план выдвигается тот же мотив «неумеренного восторга и восхищения», непреднамеренно приводящего к порче-*воמידз*.

Как и в приведенном примере, представления о *воמידз* достаточно глубоко увязаны с метафизическими представлениями о *чорыд* и *шурыд*, согласно которым все люди делятся на два противоположных типа: *чорыд* ‘жесткий, твердый’ (с допустимыми расширениями *чорыд вира*

‘с жесткой кровью’, *чорыд кывъя* ‘с твердым словом’, *чорыд сьёлёма* ‘с жестким сердцем’) и *шурыд* ‘добродушный, мягкосердечный; проворный, шустрый, трудолюбивый’ (*небыд сьёлёма* ‘с мягким сердцем’, *небыд вира* ‘с мягкой кровью’, *шурыд ки* ‘легкая рука, приносящая удачу’; здесь же удм. *шурыд* ‘щедрый’, утерянное коми языком). Из редких характеристик можно отметить различие и по цвету крови: *Кор, шуам, например, мича нывлы чужемас чеччыштас чирей, сийес шуоны вомдзалёмн. И кодэс шуоны лоз вираён – вомдзалысен, ветласні сы ордё и сілысь гусяласні лёк сыр торъяс, кок пыти волес и сідз водзе, локтасні гортё и сійе торъяс-нас тиынасны вомдзасись мортэс* [ФНМРК КП-12482, 83] ‘Вот когда, скажем, например, у красивой девушки выскочит прыщик на лице, это называют *вомидз*. И кого называют наставшим порчу-*вомидз* – «человеком с синей кровью», сходят к нему и украдут какую-нибудь бахрому, нитки из старых вещей, подстилку обуви и тому подобное, возвращаются домой и этими украденными вещами окуривают получившего *вомидз* человека’. А. С. Сидоров дает такую общую характеристику *чорыд* и *шурыд*: «Поскольку присутствие первого несет всюду вред, неудачу, болезнь, постольку присутствие второго является условием удачи, легкости выполнения всякой задачи. Психологически, первый является человеком пунктуальным, систематическим, последовательным, вместе с тем завистливым, злопамятным и расчетливым, часто необщительным, неоткровенным, неразговорчивым, второй всюду вносит непринужденность, общительность, откровенность, естественность» [Сидоров 1997, 149–150]. В контексте представлений о *вомидз* любой контакт с *чорыд* человеком несет потенциальную опасность: *Чорыд небыд вира вылз думыштас и вот сіе верме дзугыльтны. Вомидзэсэ нарошнэ некод оз вомдзав. Прыщицик каяс, синъяс кутасны висьні. Нимсё видзныс колё зэв бур сьёлём* [ФФ ИЯЛИ Х121-5] ‘*Чорыд* на человека с «мягкой» кровью подумает, и вот он может изурочиться – сглазится. *Вомидз* специально, нарочно никто не сделает. Прыщик выскочит, глаза станут болеть. Чтобы заговорить, нужен человек с очень добрым сердцем’.

Специфика концепции *чорыд-шурыд* наиболее ярко проявляется в представлениях коми о «сходстве по крови» (*вир лёсялём*): «Под сходством или близостью по крови подразумевалась не родственная близость, а близость духовная, метафизическая способность определённых людей понимать друг друга и помогать не только действием, но и самим своим присутствием: *Вирид ке лёсялэ, став уджис артме, вирид ке оз лёсяв, коть кутшем буресь да прамеесь, нинэм оз артми* ‘Если кровь сходится, всякая работа получается, если кровь не сходится, какие бы ни были добрые и хорошие, ничего не получится’. Сотрудничество людей, несходных по крови, заранее обречено на неудачу» [Ильина, Уляшев 2016, 47]. Зачастую именно «несходство по крови» обуславливает возможность превращения сказанных слов в порчу: *Вир пё оз лёсяв, нёрпалё. «Тая пё пёрысь да век на пё герой, ок пё өдые вермё мунны!» Мёд луннас пё сія мортыс нёрпалё – висе. Сіе кывлывлан же. Да вирид мортыдкед мукедыскед оз лёсяв. Лёсялэ ке нинэм оз зависит. Ся бёр же прёдитас. «Веж кыв не уси» – шуласні* [ФФ ИЯЛИ В1104-21]. ‘Говорят, мол, кровь не сходится, и заболевает человек [от слов]. «Эта ведь старая, а все еще бодрая, геройская, ух, как быстро может идти!» На следующий день этот человек и недужит – болеет. Такое вот слышишь иногда. Кровь с некоторыми людьми не сходится. Если сходится – ничего не случится. Потом все же эта болезнь проходит. «Завидное слово упало», – говорят’. С другой стороны, «сходство по крови» рассматривается как главное условие в лечебных обрядах, в том числе при избавлении от *вомидз*.

Отметим, что вряде локальных традиций коми непреднамеренность и случайность возникновения *вомидз* может быть обусловлена и характерными для русских представлениями о «неурочном часе»: *Кутшёмкё час, время эм, минутной делё, вомидза морт кё, мыйкё думнитас и тиукас* [ФФ ИЯЛИ 1903-23]. ‘Есть какой-то час, время такое есть, минутное дело, если урочливый человек что-то подумает, и сбудется-проникнет’.

Ас вомидз ‘сам себя сглазил’. Еще один пункт, обосновывающий спонтанность и непреднамеренность порчи-*вомидз*, связан с устойчивыми представлениями о возможности навлечь эту порчу на себя самого, своих близких или свое хозяйство. Опираясь на тезис о враждебно-

сти внушаемых через слово-*вомидз* установок, А. С. Сидоров обходит эту тему, поскольку очевидно, что в такой ситуации нет носителя «враждебных мыслей и намерений». Общим и, по нашему убеждению, единственно верным для обоих вариантов порчи-*вомидз* остается неожиданное, эмоционально выделяемое выражение восторга, похвалы по отношению к объекту порчи. Во всем остальном ситуация автокоммуникации, когда адресатом слова-*вомидз* становится сам адресант (или объекты, жизненно важные для него) – то есть ситуации диалога с самим собой абсолютно идентична. Например: *Кукань чужи и четчис и дзик пыр нёнясьны кутіс. Дзик пыр нёнясьні кутіс. И ачим жё думишти: «То мяся, лови и нёнясе!» Талун олыс, аски олыс, аски лэтчи – пласт куйлө. Но сэсся сіе колэ справитні. А сэсся пöрысь йöзлысь ме кывлывлі нін кыдзи: кичышкед помтэ, мыйке тэ мыськыштан, öдзес вугтэ, порогтэ. И эм ке сирпинь. Сіе сэсся öгыр вылө пуктан дай тишынан, гöгöрыс кытшоовтан: «Урöк-вомидз. Код вомдзалис? Урöк-вомидз», – сіе шувалан. Сэсся-й бөр справиччас. Сэсся тай эз кув менам а [ФФ ИЯЛИ Х117-19] ‘Теленок родился и вскочил на ноги, и сразу же стал сосать корову. Сразу стал сосать молоко. И я сама тут же про себя подумала: «Вот ведь, только появился и уже сосёт!» Сегодня прожил, завтра, на завтра спустилась – теленок пластом лежит. И надо ведь как-то его вылечить. А от старых людей я слышала, как надо: уголок полотенца, помоешь дверную ручку, порог. И если есть – щучьи зубы. Вот их в угольки положишь и окуришь, вокруг обойдешь: «Урок-вомидз. Кто сглазил? Урок-вомидз», – вот это наговоришь. Вот тогда обратно исправится-вылечится. Вот у меня после этого выжил, не умер’.*

Языковой смысл слова-*вомидз*. На обобщенном уровне и для традиционных представлений о *вомидз* связь языкового значения слова-*вомидз* с результатом возникшей порчи может быть опосредована негативно трактуемыми намерениями адресанта: слова восхищения или восторга, сказанные неискренне или с умыслом (*веж кыв* ‘слово зависти, завидное слово’), вызывают противоположный, негативный результат. Сама языковая семантика слов воспринимается как обобщенное указание на область проявления порчи. Таким образом, слово *вомидз* наделяется обратным смыслом в силу предписываемой ей обратной знаковости.

Из других вариантов рефлексии информантов на эту тему в качестве традиционного можно отметить акцент на эмоциональный фактор: негативный результат может быть связан с неожиданно возникшими эмоциями адресата (удивление, страх). Выше мы уже приводили вариант с «порчей крови»: от неожиданного крика портится кровь и возникает болезнь-порча; языковая семантика слова-*вомидз* также обобщается в указание на область проявления порчи или игнорируется. Вербальный смысл слова-*вомидз* может быть опосредован «негативными» мыслями, возникающими в сознании адресата: *Менам дзоля кага вöлы, пи. Öти женцина шуыс: «Зэв тай кагаыд мича!» Менам думайчис ли мый ли, кык недель висис и кулі. Йöзыс тай шуöны, сія пö аслад думайд. Ошкышитіс да сія менам думайчис. Аслад думайд керö. Колöма шуны: «сир пинь горшад» [ФФ ИЯЛИ В1007-42] ‘У меня маленький ребенок был, сын. Одна женщина сказала: «Очень ведь твой ребенок красивый!» То ли мне подумалось что-то, то ли еще что, две недели болел ребенок и умер. Сказывают же люди, мол, это твои собственные мысли делают. Она похвалила, и я подумала / задумалась об этом. Свои мысли-думы делают. Надо было сказать в ответ: «Щучьи зубы тебе в горло»’.*

Нами зафиксирована еще одна, локальная версия, согласно которой магия слова-*вомидз* связывается с приемом оборотных слов: *Чорыд сьöлöмаид завидуйтасны дай. Мыйкө шувасны мöдарö дай вот и всё: мича ли, ён ли, бур ли, удал ли* ‘Человек с твердым, жестким сердцем позавидует и всё. Что-то наоборот скажут и всё: красивый, мол, или сильный, или удалой, расторопный’ [ФФ ИЯЛИ В1102-10]. Представления о магически оформленных оборотных действиях, в том числе и вербальных, устойчиво связаны с приемами «черной» магии и эвристически понятны носителям традиции. В ситуации с *вомидз* такая магия «оборотности» четко связана с вербальной коммуникацией, и негативный результат порчи, пусть и в самом обобщенном виде, выводится из «обратного» смысла сказанных адресантом слов (слова о красоте приводят к утрате красоты, о здоровье – к утрате здоровья и т.п.).

Таким образом, все вышеприведенные мотивировки так или иначе объясняют «обратную» связь языкового смысла слова *вомидз* с результатом порчи-*вомидз*. В проекции на традицию это позволяет говорить о явном противопоставлении магии слова *вомидз* другим «открытым» и «прямым» формам словесно-магического воздействия – благопожеланиям и проклятиям, имеющим открытый коммуникативный характер, когда желаемый результат воздействия соответствует словесному содержанию³.

Заключение

В качестве предварительных итогов обозначим наиболее важные, на наш взгляд, результаты. *Вомидз* – это проявление вербальной магии с негативным результатом. Порча, возникающая в результате слова *вомидз*, так или иначе направлена на тот объект (его качества), о котором говорится в слове *вомидз*. Коммуникативная ситуация, лежащая в основе такого вербально-магического акта, связана с непосредственным визуальным контактом адресанта и адресата / объекта порчи; это условие и актуализирует мотивы «колдовского взгляда», зачастую выдвигаемые на первый план. Принципиальным отличием порчи-*вомидз* от других видов порчи является непреднамеренность и спонтанность ее возникновения. На нейтрализацию этих условий направлены многочисленные правила и предписания, регламентирующие вербальное поведение коммуникантов (предварительные формулы и действия для адресанта, защитные формулы для адресата).

Таким образом, в основу нашей вербально-магической концепции может быть выдвинуто следующее определение: «*Вомидз* – это непреднамеренное, спонтанно индуцируемое вербально-магическое воздействие с негативным результатом, обусловленным языковой семантикой слова *вомидз*. Вербальный компонент, лежащий в основе магического акта, может быть выражен прямой речью или связан с восприятием (= вербализацией) адресатом невысказанных мыслей и намерений адресанта».

Сам вербально-магический акт *вомидз* может быть представлен в виде коммуникативной модели: адресант (отправитель слова-*вомидз*) – вербальное сообщение (слово *вомидз*) – адресат (получатель сообщения) и объект порчи-*вомидз*; этим объектом может быть как сам адресат, так и любой жизненно значимый для него объект, находящийся в поле зрения. Кроме того, достаточно часто *вомидз* возникает в ситуации автокоммуникации, когда адресант и адресат вербального сообщения совпадают, т.е. в ситуации диалога с самим собой порча-*вомидз* непреднамеренно может быть направлена на себя или свое окружение.

Как и в любом коммуникативном процессе, каждый из участников выполняет свою коммуникативную роль. Адресант, помимо того, что отправляет некое сообщение, должен обозначить свои коммуникативные намерения. Адресат должен принять информацию (услышать ее), понять ее (интерпретировать) в соответствии с коммуникативными ожиданиями, а также отре-

³ Коми заговорная традиция *нимкыв видзем* как эзотерическое знание может быть противопоставлено более «открытым» и профанным формам словесного «знания», которые к тому же имеют устойчивую терминологию. Это, прежде всего, *вордкыв*, *ворданкыв*, который тоже иногда переводится как *заговор*. Глагол *вордны* имеет достаточно широкий спектр значений: 'желать, пожелать кому-л. чего-л.' *иж. нв.*; 'предсказывать, пророчить, предвещать', 'заклинать, загадывать' *нв. вым.* (значения 'желать, пожелать; предсказывать' имеет и коми-перм. *вӱрдны*). При этом большинству отмеченных значений соответствуют другие глаголы: *тунавны* 'предсказывать, пророчить, предвещать', *синь* 'желать, пожелать, предопределить', *нӱдны* 'загадывать'. Широкий контекст использования *вордкыв* в традиции, а также значение исходного *вор* 'речь, дар речи' позволяют определить этот жанр как 'приговорку-пожелание, приговорку-заклинание'. По степени дополнительности к действию, которое сопровождается произнесением *вордкыв*, а также по явно выраженной положительной коннотации, к *вордкыв* примыкают термины *сызем*, *сийм*, *бурсийм* 'пожелание'. Такой же открытый коммуникативный характер, но уже с негативной направленностью имеют представления о *ёранкыв* (*ёрдкыв*, *ёр кыл*, *ёрӱм*) 'проклятие', исходное *ёрны* 'клясть, проклинать' (к-перм. *ёрдны* 'тж', удм. *юрисъкыны* 'накликать, проклясть'); десакрализованное *ёртчан кыв* 'бранное слово'. Этот ряд может быть дополнен представлениями о *ныма кыв*: *ныма* 'заслуженно, поделом' *вв.*, соответственно, термин можно перевести как «заслуженное, справедливое пожелание-проклятие» – своего рода «ослабленный» вариант *ёранкыв*: *Ныма кыв – ёрӱм пыдди: шуасны, кор скӱрмасны: «Ёрита да имитас»* 'Ныма кыв – вместо проклятия: говорят, когда рассердятся: «Прокляну, да сбудется» [Панюков 2008, 168].

агировать на полученную информацию. В проекции на слово-*вомидз* все предварительные действия и защитные формулы, регламентированные традицией, самым конкретным и однозначным, не допускающим иных интерпретаций способом обозначают коммуникативные намерения адресанта. В такой ситуации адресат так же однозначно принимает, интерпретирует сказанные слова и реагирует на них. В случае с неожиданной, спонтанно возникшей коммуникации, адресат получает сообщение (слово *вомидз*), не имея соответствующих коммуникативных ожиданий. В нейтральной ситуации это вызвало бы у адресата коммуникативный дискомфорт, требующий дополнительных когнитивных усилий для интерпретации. В ситуации с *вомидз* с неожиданным («взрывоподобным») вербальным сообщением, часто воспринимаемым как неожиданный крик, адресат попадает в ситуацию коммуникативного «ступора». Адресат не готов к общению (не имеет коммуникативных ожиданий) или полученная информация (услышанное сообщение) не соответствует его ожиданиям (= когнитивный диссонанс). Особую роль в этой ситуации играет эмоциональная составляющая, включающая в сознании адресата когнитивные процессы, порождающие негативную интерпретацию, определенным образом связанную с исходной языковой семантикой. Описание этих когнитивных процессов требует специального разговора.

СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ:

вв. – верхневычегодский (коми-зырянский), вс. – верхнесыольский (коми-зырянский), вым. – вымский (коми-зырянский), дп. – древнепермский, иж. – ижемский (коми-зырянский), к-п. – коми-пермяцкий, лл. – лузско-летский (коми-зырянский), нв. – нижневычегодский (коми-зырянский), общеп. – общепермский, печ. – печорский (коми-зырянский), скр. – присыктывкарский (коми-зырянский), сс. – среднесыольский (коми-зырянский), уд. – удорский (коми-зырянский), удм. – удмуртский.

СОКРАЩЕНИЯ АРХИВНЫХ ДАННЫХ

ФФ ИЯЛИ В1110-56 – фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми НЦ (Далее – ФФ ИЯЛИ). Записано в 1997 г. А. В. Панюковым и Г. С. Савельевой в с. Небдино Корткеросского р-на РК от Панюковой Е. А., 1910 г. р.

ФФ ИЯЛИ РФ11 Т. 5. Записано в 1996 г. А. В. Панюковым от Удоратиной М. В., 1926 г. р., в с. Важкурья Корткеросского р-на РК.

ФФ ИЯЛИ В0630-2. Записано в 2015 г. А. В. Панюковым в с. Козловка Княжпогостского р-на РК от Ключевой Н.

ФФ ИЯЛИ В1102-10. Нившера Исп.: А. А. Записано в 1994 г. А. В. Панюковым в с. Нившера Корткеросского района РК от А. А.

ФФ ИЯЛИ Х141-8. Записано в 1977 г. Ю. Г. Рочевым в с. Аныб Усть-Куломского р-на РК, информант не зафиксирован.

ФФ ИЯЛИ Х121-5, Записано в 1977 г. Л. С. Грибовой в с. Небдино Корткеросского р-на РК, информант не отмечен.

ФФ ИЯЛИ В1903-23. Записано в 2003 г. А. В. Панюковым в с. Мужы Шурышкарского р-на ХМНО Тюменской обл. от Коневой М. Ф., 1933 г. р.

ФФ ИЯЛИ В1104-21. Записано в 1996 г. А. В. Панюковым от с. Большелуг Корткеросского района РК от Савиной Ф. Н., 1906 г. р.

ФФ ИЯЛИ Х117-19. Записано в 1977 г. Л. С. Грибовой в с. Небдино Корткеросского р-на РК, информант не отмечен.

ФФ ИЯЛИ Х31-10 Записано в 1977 г. Л. С. Грибовой в с. Небдино Корткеросского р-на РК, информант не отмечен.

ФФ ИЯЛИ В1007-42. Записано в 2005 г. А. В. Панюковым, Г. С. Савельевой вс. Ипатово Сыктывдинского р-на РК от Полугрудовой А. М., 1921 г. р.

ФНМРК КП-12483, л. 214. Рукописные записи С. В. Башлыковой. Фольклор коми учащихся педтехникума. 1934–1935 гг.

ФНМРК КП-12482, л. 83. Рукописные записи А. А. Потаповой, сотрудницы института исследований коми в г. Сыктывкаре; со слов жителей с. Додз Сыктывдинского района в 1935 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. 624 с.
- Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева И. К., Коснырева Р. И.* Коми сёрнисикас кывчукор: Словарь диалектов коми языка: в 2 т.: более 78000 слов / Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; под ред. Л. М. Безносиковой. Сыктывкар: Кола, 2014. Т. I.: А–О. 1096 с.
- Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева И. К., Коснырева Р. И.* Коми сёрнисикас кывчукор: Словарь диалектов коми языка: в 2 т.: более 78000 слов / Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; под редакцией Л. М. Безносиковой. Сыктывкар: Кола, 2014. Т. II.: Ö–Я. 888 с.
- Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал: монография / УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: Издательство «МонПоражён», 2018. 298 с.
- Владыкина Т. Г.* Мифология визуального и акустического в коммуникативном поведении удмуртов // Вестник Удмуртского университета: История и филология. Вып. 1. 2008. С. 83–88.
- Жилина Т. И.* Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975. 268 с.
- Жилина Т. И.* Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985. 272 с.
- Жилина Т. И.* Вымский диалект коми языка. Сыктывкар: Изд-во Пролог, 1998. 440 с.
- Ильина И. В., Уляшев О. И.* Формирование мужчины в рамках традиционных представлений о мужском пути «морттуй» у коми-зырян // Фольклористика Коми: исследования и материалы. Ред. серии Маре Кыйва, ред. сост. Л. Лобанова, Н. Кузнецов. Sator 17. Тарту: Науч. изд-во ЭЛМ, 2016. С. 33–66. DOI: <https://doi.org/10.7592/Sator.2016.17.08>.
- Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г.* Среднесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1980. 226 с.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 432 с.
- Сахарова М. А., Сельков Н. Н.* Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 288 с.
- Сорвачева В. А.* Нижневычегодский диалект коми языка. М.: Наука, 1978. 228 с.
- Сорвачева В. А., Безносикова Л. М.* Удорский диалект коми языка. М.: Наука, 1990. 283 с.
- Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А.* Сыктывкар, 1961. 492 с.
- Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. А.* Печорский диалект коми языка Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 152 с.
- Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С.* Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966. 254 с.
- Панюков А. В.* Динамика развития коми фольклорных традиций в контексте теории самоорганизации. Сыктывкар, 2009. 224 с.
- Петров Н. В.* Дурной сглаз: традиция, современность, интернет // Сила взгляда: глаза в мифологии и иконографии / Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. Москва: РГГУ, 2014. С. 317–355.
- Сидоров А. С.* Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Материалы по психологии колдовства. СПб.: Алетейя, 1996. 272 с.
- Уляшев О. И.* Тшыкдём // Мифология коми: Энциклопедия уральских мифологий. М., Сыктывкар: ДИК, 1999. Т. I. С. 361–363.
- Чуяшкова М. В.* Многозначные коми син и финский *silmä* «глаз(а)» и их фразеологический потенциал // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 1. Ч. 2. С. 159–161.
- Этимологический онлайн-словарь Н. М. Шанского. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/v/vostorg> (Дата обращения: 10/02/2021).

Поступила в редакцию 23.03.2021

Панюков Анатолий Васильевич,
кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН,
167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26,
e-mail: apankomisc@mail.ru

A. V. Panyukov

WOMIDZ 'EVIL EYE' AS A PHENOMENON OF VERBAL MAGIC OF THE KOMI-ZYRYANS

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-433-445

Belief in the evil eye is among the rare universals of human culture, which still does not have a satisfactory explanation. The author proposes to focus on the traditional ideas of the Komi-Zyryans about the in the evil eye, which make it possible to assert their original verbal-magical character. The concept put forward by the author is based on the following definition is put forward by the author of the concept: “*Womidz* is an unintentional, spontaneously induced verbal-magical effect with a negative result, due to the linguistic semantics of the word-*womidz*. The verbal component underlying the magical act can be expressed by direct speech or is associated with the verbalization by the addressee of unspoken thoughts and intentions of the addressere”. This provision is proved by the analysis of folk terminology and a wide range of phenomena characteristic of the notions of spoilage. According to the author's position, the verbal-magic act of *womidz* can be presented in the form of a communicative model: addressere (sender of the word-*womidz*) – verbal message (word-*womidz*) – addressee (recipient of the message) and object of damage-*womidz*; this object can be either the addressee himself or any object of vital importance to him, which is in the field of view.

Keywords: folklore, folk terminology, etymology, verbal-magical act, communicative situation.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 433–445. In Russian.

REFERENCES

- Batalova R. M., Krivoshchekova-Gantman A. S.** *Komi-permyatsko-russkii slovar'* [Komi-Permian-Russian dictionary]. Moscow, 1985. 624 p. In Russian, Komi-Permyak.
- Beznosikova L. M., Aybabina E. A., Zaboeva I. K., Kosnyreva R. I.** *Komi syornisikas kyvchukör: Slovar' dialektov komiazyky: v 2 t.: bolee 78000 slov* [Dictionary of Komi dialects: in 2 volumes: more than 78,000 words] / Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; edited by L. M. Beznosikova. Syktyvkar: Kola, 2014. V. I.: A–O. 1096 p. In Russian, Komi.
- Beznosikova L. M., Aybabina E. A., Zaboeva I. K., Kosnyreva R. I.** *Komi syornisikas kyvchukör: Slovar' dialektov komiazyky: v 2 t.: bolee 78000 slov* [Dictionary of Komi dialects: in 2 volumes: more than 78,000 words] / Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; edited by L. M. Beznosikova. Syktyvkar: Kola, 2014. V. II.: Ö–Ya. 888 p. In Russian, Komi.
- Vladykina T. G.** *Udmurtskii fol'klorny mirotekst: obraz, simvol, ritual: monografiya* [Udmurt folklore world text: image, symbol, ritual: monograph]. UIIYAL UdmFITS UB RAS. Izhevsk: «MonPorazhen» Publ., 2018. 298 p. In Russian.
- Vladykina T. G.** Mifologiya vizual'nogo i akusticheskogo v kommunikativnom povedenii udmurtov [The mythology of the visual and acoustic in the communicative behavior of the Udmurts]. *Vestnik UdGU: Istoriya i filologiya* [Bulletin of UdSU: History and Philology]. Issue 1. 2008. Pp. 83–88. In Russian.
- Zhilina T. I.** *Verhnesysol'skii dialekt komiazyky* [Upper Sysola dialect of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 268 p. In Russian.
- Zhilina T. I.** *Luzsko-letskii dialekt komiazyky* [Luza-Letka dialect of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 272 p. In Russian.
- Zhilina T. I.** *Vymskij dialekt komiazyky* [Vymisky dialect of the Komi language]. Syktyvkar: Prolog Publ., 1998. 440 p. In Russian.
- Ilyina I. V., Ulyashev O. I.** Formirovanie muzhchiny v ramkah tradicionnykh predstavlenii o muzhskom puti «morttui» u komi-zyryan [Formation of a man within the framework of traditional ideas about the male path "morttui" among the Komi-Zyryans]. *Folkloristics of the Komi: research and materials* / Ed. series Mare Kõiva, ed.-comp. L. Lobanova, N. Kuznetsov. Sator 17. Tartu: Scientific publishing house ELM, 2016. Pp. 33–66. DOI: <https://doi.org/10.7592/Sator.2016.17.08>. In Russian.
- Kolegova N. A., Baraksanov G. G.** *Srednesysol'skii dialekt komiazyky* [Middle Sysola dialect of the Komi language]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 226 p. In Russian.

Lytkin V. I., Gulyayev E. S. *Kratkii etimologicheskii slovar komi yazyka* [A short etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar., 1999. 432 p. In Russian.

Saharova M. A., Sel'kov N. N. *Izhemskii dialekt komi yazyka* [The Izhma dialect of the Komi language]. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatelstvo. 1976. 288 p. In Russian.

Sorvacheva V. A. *Nizhnevychevodskii dialekt komi yazyka* [Nizhnevychevodsky dialect of the Komi language]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 228 p. In Russian.

Sorvacheva V. A., Beznosikova L. M. *Udorskii dialekt komi yazyka* [The Udora dialect of the Komi language]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 283 p. In Russian.

Sravnitel'nyi slovar' komi-zyryanskih dialektov [Comparative Dictionary of the Komi-Zyryan dialects]. Comp. Zhilina T. I., Saharova M. A., Sorvacheva V. A. Syktyvkar, 1961. 492 p. In Russian.

Sakharova M. A., Selkov N. N., Kolegova N. A. *Pechorskii dialekt komi yazyka* [Pechora dialect of the Komi language]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatelstvo, 1976. 152 p. In Russian.

Sorvacheva V. A., Sakharova M. A., Gulyaev E. S. *Verhnevychevodskii dialekt komi yazyka* [Verkhnevychevodsky dialect of the Komi language]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatelstvo, 1966. 254 p. In Russian.

Panyukov A. V. *Dinamika razvitiya komi fol'klornykh traditsii v kontekste teorii samoorganizatsii* [The dynamics of the development of Komi folklore traditions in the context of the theory of self-organization]. Syktyvkar, 2009. 224 p. In Russian.

Petrov N. V. *Durnoi sglaz: traditsiya, sovremennost', internet* [The evil eye: tradition, modernity, the Internet]. Sila vzglyada: glaza v mifologii i ikonografii [The power of the gaze: eyes in mythology and iconography] / ed. and comp. D. I. Antonov. Moscow: RGGU, 2014. Pp. 317–355. In Russian.

Sidorov A. S. *Znakharstvo, koldovstvo i porcha u naroda komi*. Materialy po psikhologii koldovstva [Folk healing, witchcraft and spoilage among the Komi people. Materials on the psychology of witchcraft]. SPb.: Aleteya, 1996. 272 p. In Russian.

Ulyashev O. I. *Tshyködöm* [Magic damage]. Mifologiya komi: Enciklopediya ural'skih mifologii [Mythology of the Komi: Encyclopedia of Ural mythologies]. Moscow, Syktyvkar: DIK, 1999. V. I. Pp. 361–363. In Russian.

Chuyashkova M. V. *Mnogoznachnye komi sin i finskij silma 'glaz (a)' i ih frazeologicheskii potencial* [Polysemantic Komin and Finnish silma 'eye (as)' and their phraseological potential]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. Tambov: DiplomaGramota, 2008. №. 1. Part 2. Pp. 159–161. In Russian.

Etimologicheskij onlajn-slovar' N. M. Shanskogo [Etymological online dictionary of N. M. Shansky]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/в/восторг>. In Russian. (Date of the application: 10/02/2021).

Received 23.03.2021

Panyukov Anatolii Vasil'evich,
Candidate of Sciences (Philology),
Associate Professor, Senior Researcher,
Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
26, ul. Kommunisticheskaya, Syktyvkar, 167000, Russian Federation
e-mail: apankomisc@mail.ru